
КОНСТАНТИН ФРЕС
Умирающий
ЛЕБЕДЬ
для Миши

Константин Фрес
Умирающий лебедь для Миши

https://litres.ru/74713604

Аннотация

* В ПРОЦЕССЕ БЕСПЛАТНО*

— На стол давай, живо!

— Танцуй!

— Ну, давай, крошка. Ты обещала станцевать. Сделаешь это хорошо — получишь много денег.

Ее притащили на потеху Толстосумам.

Заставили танцевать на столе под похотливыми взглядами.

Каждый мог ее облапать. Каждый мог заглянуть под ее юбку.

Любой мог забрать с собой. Кто заплатил бы больше всех, тот и стал бы ее хозяином на ночь.

Но вышло так, что ушла она со мной.

Теперь я, Молоток Миша — ее охранник. Я ее спас. Мне придется защищать ее ото всего мира.

А ей придется научить меня быть собой, никого не бояться, идти вперед и… любить.

Остросюжетно

Эмоционально

Местами горячо

ХЭ, нецензурная брань, жесткие сцены. Мишины шутеечки.

Содержание

Глава 1. Цыпленок жареный 4
Глава 2. Торг 15
Глава 3. Па-де-де 25
Глава 4. План 32
Глава 5. Берлога 39
Глава 6. Зазеркалье 50
Глава 7. Дома 56
Глава 8. Утро 65
Глава 9. Азатыч 75
Конец ознакомительного фрагмента. 76

Глава 1. Цыпленок жареный

— На стол давай, живо!

«…А девчонку жаль. Наверное правда, дура, решила, что ее позвали танцевать. И все танцами и кончится».

Да как бы не так.

Я поморщился, хлебнул виски из своего бокала и отвернулся. На душе было гадко. И виски разбавленный, потому что лед растаял.

Сегодня Клуб Толстосумов меня разочаровал. Обычно в Клубе за закрытыми дверями перед солидными людьми выступали красивые, сочные, веселые девочки.

Солидные люди смотрели. Оценивали. И устаивали аукцион, с кем из них очередная красавица поедет. Кто больше дал, тот и папик.

Кстати, правило было таково, что максимальная ставка от человека была недельным заработком. Чистыми. Только твои денежки, которыми ты не должен был делиться ни с кем.

Проверить, конечно, нереально.

Но кто будет полгода копить, чтоб в один вечер спустить все для понта на случайную девку?..

Девки радовались и с огоньком зажигали.

Толстосумам и азарт, и понты, и ебля.

А сегодня система дала сбой.

Черт, я чувствовал себя извращенцем, когда смотрел на притащенную девку. Педофилом каким-то ощущал себя. Она вообще совершеннолетняя?..

Я в этом элитном заведении был тем, кого называли не уважительно по имени-отчеству, а емкой кличкой Молоток. И стоял я за креслом Марека, ближе к дверям, вместе с «быками». К столу мог подойти только по разрешению. Или по зову Толстосумов. Принеси-подай.

Но я был единственный из низов, кого иногда допускали до VIP-тел на равных с Толстосумами. Очень иногда, когда мне денег хватало, или Толстосумам девочка не вкатывала.

Или в виде поощрения. Просто благосклонно уступали.

Не много, ни мало — подачка с барского стола.

А и на том спасибо!

Потому что основателем Клуба был Марек, мой босс и друг детства по совместительству. А я, как бы пошло это не звучало, был его правой рукой. И этой правой рукой я ему помогал дрочить на вещи, куда более серьезнее смазливых девок.

Вообще, обычно смотреть на девок я любил. Особенно на VIP-девок. Из тех, что не стоят вдоль дорог и себя запросто не предлагают.

Но не на таких, как сегодня.

Я смотрел на… «это», и внутри меня поднималась горькая муть. Как гарь от сожжённых покрышек. Захотеть трахнуть это… Это все равно, что приволочь чистенького суточного

цыпленка — вуаля, господа! Это основное блюдо!

Хищники им не насытятся. Да и есть такое, трогательное, хлопающее бусинками-глазками…

Девушка, юная, худенькая, чистенькая и беленькая, правда походила на цыпленка. В беленьком шелковом тонком платьишке на тонких лямках. В новых атласных туфельках. Прямо сейчас из балетного класса, от станка.

Она неловко прикрывала грудь руками, сжав хрупкие кулачки под подбородком. Сверкала перепуганными глазами. Рот от ужаса приоткрыт. В глазах слезы. Вот-вот разревется. Испуганный жалкий ребенок.

Серьезно?..

У кого на такое встанет?..

Слишком юная, слишком невинная. Бестолковая и неловкая. Она не пыталась кому-то понравиться. Не пыталась кого-то соблазнить, чтоб отхватить куш побольше. И больше всего на свете она хотела удрать

Ее «быки» подталкивали к столу, а она спотыкалась, как раненная антилопа.

Еле перебирала тонкими ножками в балетных туфельках-пуантах и озиралась кругом с ужасом.

Я смотрел на нее и так, и этак, пытаясь понять, что это вообще за существо такое. На кого похожа. И не мог сообразить.

Не видел ее души. Ее характера. Только страх в глазах.

«Все верно, милая, ты поняла все правильно. Ты попала в

ад. И танцами дело не ограничится…»

Моду на «балетных» ввел тот же неугомонный Марек.

Вечно он с чем-то этаким совался, с какой-нибудь мудреной экзотикой…

— Знаешь, какая у них растяжка? — прицокивал он языком.

И глаза его делались похотливыми, масляными и скользкими.

Растяжка у балетных в самом деле была будь здоров.

Такую девку можно было вывернуть чуть не на изнанку. И если внимательнее вглядеться в разворот, то можно было б свет в конце тоннеля рассмотреть.

Который брезжил с другой стороны.

Мне из балетных нравилась Кобыла.

Здоровая, гибкая, сильная девка. Просто воплощение животной бесстыжей похоти. Пизда на ножках.

Не первый раз она выплясывала на столе, с характерным звуком топоча пуантами по лакированному дереву, нещадно царапая лакировку канифолью.

У Кобылы была длинная сильная шея. Красивые руки. Но абсолютно некрасивое, вытянутое лицо с красными щеками. Но несмотря на это, спросом она пользовалась. Еще как.

Она как-то по-особенному, по-балетному, неестественно сворачивала голову и смотрела на Толстосумов, оценивающих ее танец, свысока, ухмыляясь пухлыми красными губами.

Девка абсолютно бесстыжая. Ни капли сожалений. Ни капли сомнений. Только шпагат, как вертолетные лопасти. Суй хуй в винт и полетели.

Ебля нереальная.

Расставляя ноги широко, как циркуль, Кобыла на столе вставала на пальцы, а потом медленно садилась, раскорячив в разные стороны коленки и вывернув, раскрыв на всеобщее обозрение стройные бедра.

На них туго натягивались мышцы. Лобок и впадинку на нем, как вторая кожа, обтягивали трещащие мини-шорты.

Ляжки у Кобылы были что надо. Крепкие, сильные, стройные, мощные. Красивые, в общем, ноги. Очень красивые.

И задница что сталь.

По такой если влупить хорошенько, можно было руку отбить, а Кобыла только ржала.

Еще Кобыла устраивала свои приседы прямо на краю стола.

Практически тычась ароматной теплой промежностью в лица. Елозила нахально, глядя на уткнувшееся в ее тело лицо, и охотно подмахивала, если клиент увлекался.

И стояла она так близко к краю, что даже мне можно было ухватить ее за изящную лодыжку, перетянутую лентами, и погладить стальную тонкую напряженную икру.

От этого касания Кобыла улыбалась торжествующе, глядела прямо в глаза попавшемуся на ее прелести, и приседала

еще ниже. Вплотную. Так, что на ее шортах можно было все швы пересчитать. Прямо между расставленных ног.

После этого томного, медленного, низкого приседа бесстыжую Кобылу охота было яростно жарить во все щели. Драть так, чтоб трусы на распухший вареник не налезли. Так, чтоб от нее неделю воняло спермой. Чтоб она иначе, как на раскоряку, и ходить не могла.

А потом сделать контрольный выстрел в жопу.

Кобыла это почему-то очень любила.

О, как она орала, как яростно и жестко подмахивала! После ебли с ней болело не только у нее. Все бедра у меня были деревянными…

Она смеялась во время секса.

В общем, никаких комплексов.

Еще одна любимица моя была Цапля.

Ну, это был высокий балет!

Говорят, балерина Цапля неплохая. Пляшет, вроде, даже ведущие партии. Я в этом все равно ничего не понимаю.

У Цапли было тонкое, гибкое, сильное и упругое, как полоса стали, тело.

На столе она действительно танцевала, и посмотреть, кроме ее полупрозрачных крохотных трусишек под тонкой шелковой юбкой, было на что. Даже ее бритая пизда под насборенной сеточкой трусов не так интересовала, как ее танец.

Красиво. Завораживающе. Драматично. Как барахтаю-

щийся на суше осьминог, только еще лучше.

В сексе с ней тоже была сплошная драма.

Цапля билась, изгибалась, металась, раскидывая тонкие гибкие руки, делала страдающее лицо, словно доплясывала свою партию.

И тут главное было зафиксировать ее покрепче, чтоб попасть в нужное тебе стратегическое отверстие, пока Цапля не катается в простынях.

Цапля откровенно переигрывала.

Но бороться с ней было приятно.

И жарить ее — тоже.

Она давала странное чувство первобытной дикости, когда самку брали практически насильно.

Хрупкую и красивую самку…

После знакомства с Цаплей я, кстати, фишку Марека понял. У балетных мышцы были как сталь. Везде.

Очень приятный бонус. Люблю балетных.

Но не сегодня.

«А вот это, блядь, что такое. Что за призрак оперы, я вас спрашиваю. Что за Цыпленок на столе, спрашиваю я вас?!»

У меня даже в животе скучно заныло, потому что девчонка была не только юна — сколько ей, восемнадцать? Девятнадцать? — но и явно не хотела продолжения банкета. Ну вообще.

Кобыла, может, тоже не хотела, но вида хоть не показывала. Призывно улыбалась и корячила навыворот свои сталь-

ные округлые ляжки, пока у Толстосумов слюни не начинали капать на стол.

А вот эта мялась. Не хотела…

— Марек, ну наебаловом же пахнет, — вполголоса прошелестел я, чуть склонившись к тому. Для этого мне пришлось от дверей подойти к нему, к его креслу, хотя правилами это было запрещено.

Но Мареку можно. Император же, ебать. Его клуб, его правила.

И на это нарушение никто рыпнуться не посмел. Все смолчали.

А Марек посмотрел на Толстосумов как на говно. Гордо. Свысока.

— Ей что, не сказали, зачем ее зовут? Ты что, за износ хочешь загреметь? Или посадить кого вздумал, подложив ему… это? Еще и малолетка… Марек, ты в край ебанулся?!

Я обвел взглядом собравшихся.

Те пожирали глазами юную девушку, которую мордовороты-охранники подхватили под руки и взгромоздили-таки на стол.

Она топталась на месте, на блестящей поверхности дорогого длинного стола, с ужасом рассматривая Толстосумов и все так же беззащитно прижимая руки к груди.

— Не ссы, Молоток, — снисходительно ответил Марек, не сводя горящего взгляда с девушки. — Все пучком. Совершеннолетняя она. Уже два года можно ее драть в полный

рост. Гля, какая, а?

И он кивнул на девушку, облизнув хищно губы.

— Никакая, — грубо ответил простой я. — Лучше б Кобылу позвал. А это Цыпленок… жареный.

Марек поморщился.

О моей привычке давать всем окружающим звериные клички он был в курсе.

Самое забавное, что данная мной кличка сразу же прилипала намертво.

— Совесть имей. Кобылу больно заездили, — ответил Марек, посмеиваясь. — Отдыхает она. Имеет право девушка отдохнуть?! А это не Цыпленок, это свежатина. Высший сорт!

— Девственница, что ли? — поразился я.

Я слова «целка» не любил. Как, впрочем, и материться. Матерился в очень исключительных случаях.

Как раз сегодня такой настал.

И я охотно расходовал годичный запас ругательств.

— Ну, а ты чего думаешь, почему она мнется? — заржал Марек. — Все она знает. Понимает, зачем шла. Просто первый раз в высший класс!..

Это себя он высшим классом называл? Хорек мокромордый…

Вообще, справедливости ради, надо отметить, что Марек был красавцем.

Холеным, лощеным. Носил очечки в золотой оправе. И

девкам нравился.

Вот и эту наверняка он сторговал. Уломал. Соблазнил, обманул. И притащил на торг.

— Нафига она здесь?! Она ж бревно бревном, если девственница! — зашипел я в последней попытке предотвратить аукцион. Вид испуганной девки, озирающейся на Толстосумов, вызывал у меня рвотные позывы. А ее страх — липкий, ощутимый кожей, — просто напрочь отшибал всякое желание вообще когда-нибудь кого-либо ебать.

Не хотелось в этом участвовать от слова вообще.

Но Марек был неумолим.

Он-то, в отличие от меня, получит не только секс, если сторгуется. Я мигом понял — он хочет Толстосумам показать, сколько денежков в его кошелечке. Заработком хочет похвастаться. Сделать широкий купеческий жест. Это уже не девку облапать. Это всем Толстосумам писю к носу приложить.

И этого желания Марека не отменить.

А то, что денег у него много, я знал наверняка. Да что там — я знал всю сумму до копейки.

А значит, переубедить его не выйдет.

— Девчонка ребенок, — рычу я ему на ухо в последней попытке. — Зачем?! Другую не мог привести?

— Не нуди, Молоток, не нуди! Запихай свой облико морале знаешь куда? Чтобы распечатать ее, конечно. Вот зачем.

Марек возбужденно сверкал стеклами своих очечков.

Ну, ясно.

Сексуальные умения девушки Марека не интересовали.

Он просто хотел в очередной раз попробовать на вкус невинность. Замарать девчонку. Вывалять в грязи, чтоб вкусила правды этого мира. И показать ей, кто тут босс.

— Для себя, что ли, притащил? — спросил я. — Нравится? Запал? А Вероника-то Андреевна чего скажет? Бабы такое нутром чуют.

Выкладываю последний козырь. Но и он не помогает.

Марек переводит на меня взгляд, и я вижу в нем пьяное безумие. Его сейчас и бульдозером не остановить.

— Если ты ей не стуканешь, то ничего, — усмехнулся он и нетерпеливо придвинулся к столу. — Ну, давай, крошка. Ты обещала станцевать. Сделаешь это хорошо — получишь много денег.

Глава 2. Торг

— А музыка?..

Ее невинный вопрос вызвал просто взрыв скотского хохота.

Ржали все за столом, а балеринка так и стояла столбом, стыдливо закрывшись ото всех руками.

Марат Азатыч так до слез хохотал, утирая мокрые хитрые татарские глаза.

Марек тоже не удержался, хмыкнул. И глотнул еще алкоголя.

«Ну, дура… Где ж тебя, такую, Марек подцепил?»

Марек же улыбался, скрывая свое наглое ебло за переплетенными пальцами. Посверкивая на растерянную девчонку очечками.

Притащил дуру на растерзание. И сидит, лыбится, скотина…

Девчонка посмотрела на Марека почти умоляюще. У него она искала защиты и поддержки, в рот ему заглядывала. А он ржал так же цинично, как и все.

— Включите ей музыку, — велел он негромко, обернувшись к мордоворотам.

Вот же сукин сын!..

Подготовился.

«Интересно, зачем?» — только и успел подумать я.

Но тут заиграла музыка. Запиликала скрипка.

«Чайковский», — машинально отметил культурно подкованный я, обреченный слушать эти пиликанья.

— Танцуй, — негромко велел Марек.

И ноющая девчонка вдруг встряхнулась, взмахнула руками, и… пустилась в пляс, перебирая своими тонкими, но крепкими ножками так, как Кобыле и не снилось!

Я охнул и отпрянул от стола, как будто на нем вспыхнуло пламя.

Кто знает, плакала ли девчонка сейчас, кружась и перебирая ножками в пуантах так ловко, что в глазах рябило.

Но я не увидел слез. Я увидел чудо.

И не я один.

Толстосумы оживленно задвигались, зашевелились. Придвинулись к столу ближе, чтоб рассмотреть. Чтоб потрогать, если девчонка окажется близко. Прикоснуться… Но она ловко избегала их сальных касаний.

И это, думаю, заводило их еще больше. Недоступная…

А я как будто сидел в первом ряду в театре. Натурально.

И кружащаяся девчонка была словно лепесток пламени. Красивого, гибкого, светлого.

Я не видел всего того, на что обычно пялился. Ни сочных ляжек, ни трусов, ни распахнутой передо мной промежности.

Я видел только быстрые-быстрые ножки, отражающиеся в темном лакированном дереве, и невероятно красивые руки.

Гибкое тонкое тело и нечто прекрасное.

«А-а-а, чтоб тебе… — мелькнуло в голове у меня, когда увидел, как Толстосумов обошел мордоворот с подносиком. — Поломают девчонку».

На поднос Толстосумы клали деньги. Много денег, азартно шлепая купюрами, как картами.

И, судя по номиналу купюр, юного гибкого тела теперь хотели отведать если не все, то многие.

Может, заставят голяком танцевать, когда наедине-то останутся. Прикольно же.

За спиной у Марека сразу остановился мордоворот с красным флажком. Молча.

Это значило, что Марек положил больше всех. И сколько б Толстосумы не добавляли, этот, с флажком, не уходил. Даже не двигался.

Значит, девчонка точно с ним поедет, с Мареком. Трахаться.

Я же внимания подносоносца не удостоился. Значит, ставки были сегодня очень высоки. Я такое не тянул. Да и уступать мне новенькую никто не собирался.

Талантище, красавица, девственница…

Свежак.

«Ну, ясен пень, Марек привез ее для себя-а-а, — протянул я мысленно. — Но показать всем. Похвалиться. Продемонстрировать. А потом выебать до нечеловеческого состояния. Чтоб даже говорить разучилась. И только мычала, как

животное».

Девчонка продолжала кружиться на столе, как пламя над тающей свечой. Ее тонкая шелковая юбочка обнимала ее стройные тонкие ножки, и это было куда прекраснее, чем метания Цапли в простынях.

Она была просто очень красивая.

Это чувство, что вдруг рвануло душу, я высказать и объяснить не мог.

Смотрел на девчонку, слышал быстрый топоток ее туфелек, а скрипка словно распиливала надвое сердце.

«Дура, как тебя сюда занесло?.. — думал я обреченно. — Погубят же девчонку!»

Еще один Толстосум, Азатыч, вздумал перебить цену Марека.

Под медовую песню скрипки, во всеобщем молчании, он пальцем поманил подносоносца и, сопя, кинул поверх собранных денег еще несколько купюр. Верхняя губа его поблёскивала каплями пота.

Он кинул из-под нависших век острый, цепкий взгляд в сторону Марека и недобро усмехнулся. Обычно ставку Азатыча, если он реально впрягался, не мог перебить никто.

И сейчас флагоносец с каменной мордой прошествовал за его стул.

Мне показалось, что девчонка даже споткнулась на столе, увидев, кто пытается ее выкупить. А Толстосумы зашевелились, как черти во мраке, с интересом наблюдая битву ко-

шельков.

Давненько такого напряженного молчания в клубе не было.

И такой денежной потасовки.

Азатыч девчонку захотел. Люто, как его предок, схватить, перекинуть через седло и умыкнуть. Утащить в свою юрту.

Измять ее тонкое юное тело.

Истискать ее крохотную грудь. Наставить сальными пальцами синячищ на стройных бедрах.

И девчонка, словно подстегнутая этим сытым, небрежным жестом, закрутилась еще быстрее, еще стремительнее. Еще ярче вспыхнула, выкладывая на всеобщее обозрение свою красоту, свежую юность, талант.

«Засранка! Что ж ты творишь?! Да они сейчас тебя!..»

Ее прекрасные руки, бьющиеся, как крылья, ранили точно в сердце…

«Напугалась. У Марека помощи просит… Ну, дура!»

Марек усмехнулся, и вместе с деньгами, кинутыми на поднос, за его спину вернулся красный флаг.

— Еще по тыщонке, Марат Азатыч? — задиристо спросил Марек.

Хотя я знал, что он блефовал. На сегодня карман его был пуст.

Однако, денег он выложил немало. Точнее — слишком до хуя.

Азатыч, конечно, игрок азартный и солидный. Но не на-

столько, чтоб повестись на такую провокацию. Так много денег за девку на один раз никто не был готов отдать, и я невольно присвистнул, понимая, что в семейном бюджете Марека образовалась большая такая брешь.

Которую даже блондинка-Вероника, жена Марека и глава фирмы, где он числился финдиректором, может заметить…

Но Мареку было похуй. Победа и желание сорвали ему крышу. Думаю, он и обручальное кольцо снял и кинул бы на поднос, если б понадобилось. Так хотел всех умыть. И девку.

— Не-е-е, — протянул Азатыч, щуря свои хитрые глазки. — Пас, — дрожащими губами произнес он и поднялся с места, отирая взмокший лоб. Мысленно-то он уже дрочил на эту девчонку и, быть может, трахал ее в зад. — Девка хороша. Но не лучше денег. Забирай; твоя! Но в следующий раз уступишь ее мне.

Он проиграл. И досадовал, потому что тоже люто хотел попробовать ее невинности.

По-своему.

Но денег жалел.

Толстосумы заулыбались, зашевелились, переглядываясь и посмеиваясь.

Марек выкинул солидную сумму. Такую солидную, что даже Азатыч уважительно и завистливо кривил теперь губы.

Марек победил.

Теперь он не скрывал своих чувств. Он смотрел на девчонку хищно, люто.

Подавшись вперед.

На миг лишь отвернулся от стола, кинув какое-то слово мордовороту-шестерке.

«Красная», — кажется, велел готовить спальню.

«Драть будет», — мелькнуло у меня в голове.

Ремнем.

Марек это любил — чтобы его женщины вопили. Все равно от чего.

Девчонка будет просто жутко визжать, перепуганная до обсыкона. Так, как верещат в изумлении самые невинные. Тараща очумевшие от боли глаза. Не подозревающие даже, что в мире бывает такое зло.

Чистая, девственная, сегодня она захлебнется соплями, слезами, унижением, стыдом и болью.

В награду за свой красивый танец.

Совсем соплячка, н-да… И сразу так вляпалась.

Задвигались стулья.

Толстосумы, уважительно кланяясь Мареку, вставали из-за стола, переговариваясь, делясь испытанными острыми ощущениями.

А он вальяжно развалился на кресле с видом победителя. Холодно щурился, глядя, как догорает светлый огонек юной балеринки и потирал искусанные в нервном предвкушении губы.

Она танцевала только для него — и для меня, потому что

я стоял рядом с ним.

И музыка затихала, отсчитывая последние мгновения балеринкиной свободы и невинности…

А ее тонкие ручки, плавные, красивые, заметно дрожали.

Она остановилась, словно споткнувшись. Снова стыдливо прикрылась руками и глянула на Марека чуть не плача.

— Ну что, Олюшка, — масляно, похотливо протянул Марек, так и пожирая девчонку глазами, ныряя алчущим взглядом ей под юбку. — Испугалась? Не бойся. Пошутил я. Никто б тебя не перекупил. А теперь знаешь, что? Поедем-ка, Олюшка, заюшка, со мной в сауну. Поедем, поедем!

Его глухой от возбуждения голос звучал властно и утверждающе. Не вопросительно.

Этим голосом он уже насиловал девчонку. Заставляя уже здесь и сейчас ощутить его власть. Словно раздевал прилюдно.

Его рука потянулась к столу. Знающий его привычки «бык» подсунул под нее понтовый бокал для коньяка, выточенный из натурального нефрита. Дорогая, солидная, красивая и бесполезная цацка.

Марек ее подхватил, так же неумолимо глядя на девчонку.

Девчонка в сауну не хотела.

Ее глаза метались, мучительно ища выход из этой позорной ситуации. А балетные ножки стояли так изящно, так изысканно, словно она была не куском мяса на прилавке, а наследственной герцогиней как минимум…

— Не хочешь? Могу тут тебя оставить, — сказал Марек, пережидая, пока ему наливали коньяка. Девчонка вздрагивала, сжимаясь в комочек от стыда. — Марата Азатовича можно позвать обратно. Ты ему, кажется, понравилась. Выбор за тобой. Могу сказать всем остальным, что торги продолжаются. Ну?

— Ни хочи-ит? — Азатыч почти ушел. Но уловив краем уха заминку, тотчас вернулся и ступил в круг света, ближе к столу. Ах ты, узкоглазый скунс… Яйца кипят, что ли? — У-у, какая! А со мной хо-очи-ишь? Поеде-ешь?

Девчонка молчала упрямо, как партизан.

Она даже головой отрицательно помотать не смогла.

Казалось, что ее крупная дрожь бьет. А в распахнутых глазах животный ужас.

И вместе с тем от нее веяло таким ужасом, такой брезгливостью, что я не вынес. Смотреть на это было выше моих сил.

Чуть склонил голову к плечу, я полуобернулся назад, к мордовороту с подносом, и мордоворот с подносом склонился ко мне.

— Чего-то нужно?

Он говорил это очень уважительно.

Потому что, во-первых, я стоял в иерархии выше них, «быков». Марек всюду меня с собой таскал. Личный карманный монстр. Особа, приближенная к императору.

А во-вторых, прекрасно знал, что если я ему заряжу в лоб за нерасторопность, он свалится тут же, в лучшем случае

оглушенный. В худшем — с вышибленными мозгами. Так что лучше перебдеть, чем недобдеть.

«Ой, еблан! — выл про себя я, с невозмутимым лицом нащупывая за пазухой плотный сверток и зная, что сейчас сделаю. — Ой, блядь, рыцарь сраный! Ой, какой я еблан! Ну, она же дура. Потаскушка. Пофиг, что целка, — я с отвращением выплюнул нелюбимое словцо, — все равно потаскуха, раз сюда пошла. За деньги! Ну, щас переплачет, постыдится, и снова поскачет, вместе с Кобылой! Не в прок ей эти бабки! Не надо!»

Но рука сама выдернула пачку купюр, упакованную в полиэтиленовый пакет.

И я, залихвацки шлепнув этой увесистой пачкой по ладони, кинул ее на поднос, поверх всех денег.

— А в сауну с Олюшкой поеду я, — выдохнул я, сам себя не слыша, и не видя тонкого белоснежного силуэта на столе. — Моя девка. Сюда давай ее.

Глава 3. Па-де-де

— Какого, блядь, хуя?!

Марек бежал вслед за мной, визжа и дергаясь. Растеряв весь свой богатый шик.

Как ебаный истеричный чихуа за флегматичным алабаем.

Выглядел он при этом жалко. Даже если догонит, девку из моих рук ему не вырвать. Кишка тонка. Не справится.

А я бежал от него, волоча к своей старенькой машинке свою ниебически дорогую балеринку в распахнутом сером сиротском тонком пальто, крепко вцепившись в ее локоть.

Она даже обуться не успела. Так и скакала по тающему грязному снегу в своих шелковых пуантах.

И молчала. И не сопротивлялась.

И слава Богу!

Я рывком распахнул дверцу своей машинки и балеринку запихал на заднее сидение. Появилось острое желание утрамбовать ее поглубже ногой, но удержался. В конце концов, она не просила оплачивать свободу ее письке…

Это моя инициатива. А инициатива, как известно, наказуема.

Тут меня и настиг Марек.

Схватил за грудки, впился, как клещ, размазал по дверце машины, и зашипел, яростно сверкая своими очечками:

— Ты что творишь, а, мразь! Я тебя загрызу сейчас, гнида

похотливая!

Говорит, а у самого морда вся дергается, словно с ним эпилептический припадок случился.

— Что я творю? — хмуро произнес я. — Все по правилам. Кто заплатил, тот и в праве. Чего орешь-то? Сам такие правила установил. Одни для всех.

Балеринке отсчитали только десятую часть от собранных денег. По правилам клуба. Но и этого было до хрена. Она столько сроду в руках не держала. И вряд ли еще подержит когда-нибудь.

Азатыч сам запихал эти деньги в карманы пальто онемевшей девчонке, цокая языком и скороговоркой повторяя:

— Ай, Молоток! Ну, если Молоток, так уж Молоток! Ты далеко пойдешь, парень. Слушай меня. Далеко! Дерзкий ты, смелый, хитрый. И спокойный. В покер, небось, тоже хорошо играешь? Приходи; перекинемся.

Я играл. И хорошо. И приглашение Азатыча воспринял как знак признания и доверия.

«Надо будет воспользоваться», — подумал я и уважительно шаркнул ножкой.

Азатыч потому меня нахваливал, что Марека не любил. А я его умыл при всех.

Азатыч улыбался ему, доброжелательно беседовал о делах. Но в его хитрых глазках всегда было выражение злой, нехорошей настороженности. Как будто он искал подвох. И если найдет — просто кинется и откусит Мареку башку.

Остальные деньги, те, что балеринке не достались, пошли в фонд Клуба. На бухло и развлечения. Как обычно.

Вмешательство Азатыча и прочих членов Клуба было необходимо, чтобы не возникало спорных моментов. Потому что иногда перегревшиеся мужики могли и драку устроить. Вот как сегодня, например.

Мои деньги взяли. Пересчитали. Победу мою признали и девку я мог сейчас же взять. И никто б не рыпнулся ее оспаривать. Все по чесноку.

По крайней мере, в Клубе.

— Ты же понял, — шипел Марек, стискивая мою куртку, исступленно сверкая глазами и скаля зубы, — ну, понял же, что я для себя ее!.. Это моя девка! Моя! Я ее купил уже, понимаешь? Так какого хуя ты на нее поднял свой хвост! Какого хуя встрял между нами!..

Я стряхнул со своей груди руки Марека, как крошки. Глянул на него исподлобья, зло. Сверкнул глазами в сторону балеринки, сжавшейся в комочек в машине, на заднем сидении.

— Я понял, что ты ее притащил на аукцион, — рыкнул я. — Для всех. И я ее взял. Перебил твою цену. Все по правилам. Чо выебываешься? Хозяин жизни, ебать. За твои очечки я тебе должен уступить? Ага, держи карман шире. У меня тоже чешется.

Марек даже зажмурился, словно я его молотком по яйцам долбанул.

— Ты больной? — проорал он, отшатнувшись. — Тебе заплатили?! Кто тебя… Блядь! Деньги! Это же те деньги, что на машину? Для Него?! Да ты, блядь, ебнулся?! Это те деньги?!

Марек просто визжал, брызжа слюной и кидаясь на меня.

И я снова его отстранил, отодвинул.

Можно было б врезать, конечно, по еблищу. Тогда б очкарик сразу истерику прекратил. Но я сдержался. Все ж друг. Хотя после такого дружба врозь, я так понимаю…

— Это мои деньги, — произнес я железным голосом. Хотя, конечно, врал. Это я умею. — Успокойся.

— Откуда?! — заверещал с хохотом Марек.

— Заработал.

— Сука, ты нас обкрадываешь?! Ты чо, пиздишь?! Бабки наши пиздишь?!

— Это ты мне, как финдиректор, скажи, — усмехнулся я, глядя колючим взглядом в красивое интеллигентное лицо Марека.

Фирмой владела Вероника.

Баба, в общем-то, неглупая. Хваткая. По-деловому злая.

Но фирму сколотил ее отец, а Вероника лишь поддерживала ее на плаву.

Марек женился на них обеих — на фирме и на Веронике. Вероника взяла его на почетную роль финдиректора, но только… Марек не понимал в этом нифига.

А вот я понимал. И именно потому следовал за Мареком

как тень.

Числясь охранником, я, по сути, тайком выполнял всю работу Марека, потому что имел высшее экономическое образование с красным дипломом и сек в математике почище Перельмана. Плюс имел просто звериное чутье. И умел концентрироваться и сосредотачиваться до состояния игольного острия.

Марек подобрал меня, можно сказать, на помойке. Что диплом, что чутье, когда в стране бардак. И я в благодарность сделал для него все, что мог.

Фирма расцвела. Марека превозносили, как человека с острым чутьем. Вероника гордилась мужем.

И никто б даже не подумал, что процветание фирмы зависит от… Молотка с его простоватым лицом, от Молотка в поношенной кожанке.

А гладенький пижон Марек это знал.

Пожинал лавры, делал важное лицо, вот и клуб Толстосумов основал, потому что хотел выделяться среди всех. Возвыситься — и в моих глазах в том числе.

Типа, самый умный, самый хваткий. Самый главный, уважаемый и башковитый… Таким прощают все мелкие гнусности.

И потому Марек не скупился на деньги для меня. Премии, бонусы, повышенные зарплаты… Реально щедро отслюнявливал. Всюду меня, своего карманного монстра, таскал с собой. Говорил — особо ретивый охранник. Бык. Но с умиш-

ком.

Поэтому мне позволялось многое. Сидеть вот с Азатычем, который золотишко мыл, на равных.

Лишь бы только имидж Марека как умного аналитика и стратега не страдал.

А сам он даже в шахматы не играл.

Так что он пальцем меня не тронет. Потому что без меня не выкарабкается.

— Гнида тупая, — выдохнул Марек, отшатываясь. — Ты меня пугать будешь, сука? Шантажировать?! Да я ж тебя одним пальцем размажу!

Я пожал плечами.

— Хочешь уволить меня? — уточнил я. — Выгнать? Убить? Давай. Убей. Уволь. И я посмотрю, да хоть с того света, как ты будешь плавать перед Вероникой и остальными. Как верблюжачье говно в проруби.

— Почему верблюжачье?.. — машинально спросил Марек.

— Потому что нереально! — рявкнул я. — Короче: я девку купил! Честно! По правилам! Бабок ввалил до хрена! Так что захлопни свой хавальник и отъебись!

— Тебе она нахрена?! — взвился Марек.

— Пляшет хорошо, — отрезал я. — Вдвоем будем круги нарезать. Па-де-де, ебать.

Я оттолкнул Марека и деловито направился к дверце у водительского сидения.

Марек проводил меня исступленным взглядом.

— Ты не тронешь ее! — дрожащим голосом произнес он. — Ты ее не трахнешь! Не посмеешь!

— Ага, как же, — хмыкнул Миша. — Подожду прям десять лет.

— У меня к ней серьезно, слышишь, ты! Я люблю ее! Чувства у меня к ней, понял? — завизжал Марек.

Я некультурно заржал.

— Так любишь, что выставил на торги? Если б Азатыч бабки не зажал, сегодня б твою любовь надули через курай в жопу, как лягушку. Мне-то про любовь не пизди. Ромео, епта…

— Я в первые в жизни втрескался!.. Серьезно!..

— Серьезно у тебя с Вероникой в ЗАГСе было, — перебил его я.

— Да кем ты себя возомнил! — заверещал Марек, снова сорвавшись на визг.

— Мужиком, блядь, — ответил грубый я и нырнул в машину, за руль.

Глава 4. План

— Куда?

Балеринка на заднем сидении сидела, сжавшись в комок, уронив пылающее лицо в ладони. Плечи ее вздрагивали.

Купюры торчали из карманов, и это выглядело… отвратительно. Так же пошло и грязно, как будто деньги были заткнуты за резинку трусов Кобылы.

Все-таки, пометили девчонку своей заразой, говнюки…

Я ругнулся про себя нехорошими словами, вдавил педаль в пол и автомобиль стартанул с заносом, лихо. Так же лихо, как увел девчонку у Толстосумов из-под носа. Залихвацки.

Знай наших!

Только на этот раз это была не рисовка, а вынужденная необходимость.

Марек, этот гандон штопанный, не отставал. Бежал вслед за тронувшейся машиной. Орал.

Ругался, колотил в стекло ладонью.

И я просто постарался поскорее от него убраться, попутно облив его с ног до головы снеговой серой кашей.

Если Азатыч это видел из окна — наверняка ржал во всю глотку.

Азатыч, старый хищник, Марека не любил. Понимал — не все чисто с этим гладким хитрым щеголем. Азатыч ведь с ним не раз пересекался. Говорил. На отвлеченные темы,

конечно. Но не понять, что Марек пустое место, хитрый татарин не мог.

Как и не мог понять, каким образом этот фанфарон держится на плаву так уверенно… Чуял наебалово, старый пройдоха. Печенкой, нутром своим чуял. Но разгадать нашей с Мареком тайны не мог. Это было слишком фантастично.

Думаю, признайся я Азатычу — он не поверил бы. По крайней мере сразу.

Ну, да ладно.

Авто выкатилось из ворот, оставив позади оплеванного грязного Марека.

Я еще несколько раз глянул в зеркало заднего вида, наблюдая, как его фигура исчезает из поля зрения.

Дальше вел молча, слушая всхлипы балеринки. И только когда автомобиль выехал с территории базы отдыха, я осмелился обернуться к девчонке и немного сбросить скорость, чтоб на повороте не посшибать сосны.

— Так куда везти-то тебя? — снова грубо спросил ее.

Балеринка подняла зареванное лицо. Глаза ее были совершенно бессмысленными. Потухшими и темными, как бездонные колодцы.

— Я… — промямлила она. — Я-а-а…

«Ну да, ты, ты! Думала, что я купил тебя, чтоб распоряжаться? Смирилась, что незнакомый дядька чуть не вдвое тебя старше, сегодня задерет твою юбочку?»

— Я думала, что вы сами… решаете, что делать… и сауна…

Выплюнула эти слова и замерла, переживая стыд.

«Да, девочка, я купил тебя. Тебя любой из них мог купить. Что, мерзкие рожи? Не нравятся? Будешь знать, как соглашаться плясать за деньги приват перед кем попало! Сыкуха малолетняя!»

— Дура, что ли, — грубо ответил я. — Я на извращенца похож? Пальцем тебя не трону.

Глаза балеринки округлились.

— Но вы столько денег…

Я скрипнул зубами.

Да, денег проеб немало. И любое напоминание об этом ввинчивалось в мозг раскаленным сверлом. За эти деньги меня, скорее всего, намотают на винт корабля и отправят в кругосветку. Вот же еще головняк, где теперь их взять, чтоб не отправили… Ладно, разберемся.

— Не твоего ума дело. Считай, я твоя фея-крестная. Самолично везущая тебя домой с бала. Так куда прикажете?

Девчонка снова сквасилась.

— Успокойся. Сопли свои подотри и скажи толком, куда тебя везти. Где живешь?

Балеринка шумно втянула воздух и снова заскулила.

Из ее глаз брызнули прозрачные слезы. Она зажмурилась, замотала головой, закусила губы, чтоб не сбиться на вой. И я снова пережил приступ удушающей жалости, которая жгла и

мучила сильнее утюга, поставленного на живот. И даже хуже паяльника в жопе.

Ее рев хватал странно, одновременно и за сердце, и за яйца. Жалко эту дуру было до слезливого зуда в носу. Хоть самому рядом с ней садись и реви.

И одновременно с этим хотелось остановить машину, девчонку сгрести в охапку, усадить на колени, спрятать под полами своей куртки и качать, гладя ее беленькое хрупкое тельце, пока не затихнет. Оттирать с нее налипшую Толстосумскую грязь, отряхивать пережитый ею ужас и шептать хриплым голосом неуклюжие нежные глупости.

Стар, что ли, становишься, Молоток? Сентиментален? Да вроде всего тридцать пять.

— Марек мне квартиру снимал, — прошептала она, утирая нос платком. — Из общаги меня выписали… Там девочка на мою койку…

— Ясно, — процедил я.

Идти, стало быть, ей некуда. Марек обрубил ей все концы. И по всему выходило, что девчонке всяко-разно пришлось бы сегодня под него лечь. Иначе он вытряхнул бы ее на улицу.

— Я не вернусь к нему! — выкрикнула девчонка, подтверждая мои догадки. — Здесь остановите! Я выйду!

— Куда ты выйдешь, — хмуро буркнул я, выруливая на трассу. — Не нагулялась еще, блядь?! Рот закрой и сиди спокойно, не рыпайся.

Балеринка замолчала и я, сердито сопя, нажал на газ.

— Тебя как угораздило-то? — спросил он.

Хотел ей нотацию прочитать о вреде разгульного образа жизни. Хотя уже понимал — не выйдет. Да и незачем. Девчонка не хотела себя продавать.

— Марек сказал, — всхлипнула балеринка, — что надо будет просто станцевать перед важными людьми. Просто станцевать. Красиво. Лучше, чем когда-либо. И тогда… Они много денег дадут.

— Так деньги нужны были? — грубо спросил я.

— В большом городе они всегда нужны, — тихо ответила девчонка. — Я здесь одна. Заработать не всегда получается. А жить на что-то надо.

Я кивнул.

«Ну сказал же — наебалово, — снисходительно вступил я в диалог с воображаемым Мареком. — Кого ты обмануть захотел, хорек мокромордый? Наплел девчонке с три короба. Квартирку снял. В любви клялся. А она, поди, не давала до свадьбы. Да? Вот и показал ей Толстосумов. Чтоб поняла, что ее любой может взять. Старый татарин, например. Рожа уголовная. Чтоб с испугу ноги перед тобой растопырила. И еще благодарна чтоб была, что там не оставил. Вот же черт…»

Я с силой потер ладонью лицо.

«Может, так и надо было б, — думал дальше с непонятным самому себе остервенением. — Ну, какого черта влез?..

Зачем впрягся? Ничего б страшного с ней не случилось. Всех трахают. И эту тоже трахнут. Рано или поздно».

Но в зеркале заднего вида отражалась зареванная мордашка балеринки. Она почти успокоилась. И глазки ее уже приобрели осмысленное, живое выражение. Мертвенный страх из них исчез, и я невольно вздыхал с облегчением, понимая — девчонку-то спас.

Не сломали, не погасла. Напугалась, ценный урок получила. Но самого страшного не произошло.

Здесь и сейчас я ее спас.

— А куда мы едем? — спросила девчонка, утирая красный нос.

— Уже не все равно? — насмешливо спросил я. — Ко мне. Там пересидишь, пока не уляжется. Недельку-другую.

«Пока Марек не перебесится», — добавил про себя.

Девчонка заволновалась.

— Но мне надо на репетиции!.. — выкрикнула она.

— Дура, что ли, — грубо повторил я. — Тебе головенку свернуть могут, не поняла, что ли?! Какие репетиции? Дома посидишь, я сказал!

— Всю жизнь? Я не черепашка в коробочке! — резко выкрикнула девчонка.

Ого, Цыпленок. А ты мигом оперяешься! И уже не цыпленок вовсе! Орлица прям…

Хотя нет, не орлица…

«Но и не черепашка», — мысленно согласился с ней я,

припоминая ее танцующие ножки.

Почему-то именно они потрясли мое воображение так, что я…

Проебал казенные деньги. Огромные деньги.

И вот этот момент спасением посторонней вляпавшейся девчонки уже не объяснишь.

«Да черт, — ругнулся я про себя в который раз. — Чо, запал, что ли? Да ну нафиг. Малолетка. Просто вблизи таких не видел никогда. Просто цыпленок…»

— Если я хорошо выступлю, — с решительной твердостью в голосе произнесла балеринка, — меня возьмут в состав спектакля на гастроли. Я уеду! Понимаете? Туда, где эти меня не найдут. Не будут же они гоняться за мной по городам?!

«Деньги там такие, что могут и погнаться, — резонно возразил про себя я. — Хотя, конечно, нафиг было б надо за девкой бегать… Нет, даже Азатыч не заседлает коня. Как бы ни кипело у него в трусах. Это выход. Уедет она — и никто ее не найдет. А она впредь умнее будет».

— Посмотрим, — неопределенно буркнул я.

Глава 5. Берлога

— У вас крутая машина.

Когда подъехали к городу, балеринка совсем освоилась.

Всхлипывая, успокаивается и сидит, разглядывает салон.

— Машина как машина, — дергаю плечом я.

У меня остроносая «японка», скользкая и маленькая, как рыба. Не самая понтовая, но самое то, чтоб потеряться в потоке машин.

Марек предпочитает тяжелые, громоздкие черные джипы. Впрочем, их сейчас все предпочитают.

Но это же понт.

На таком из притона Толстосумов незамеченным не скроешься. Отследить такую машину легче.

То ли дело верткая небольшая «японка»…

Таких намного больше в городе, чем «Джипов».

Но для балеринки и эта тачка предел мечтаний. Что-то невообразимое. Она, наверное, и не каталась в таких никогда.

— Вы охранником работаете? — осторожно спрашивает балеринка.

Кидаю на нее взгляд через зеркало заднего вида.

— У тебя, — бурчу. — С сегодняшнего дня.

Моя официальная хата в грязноватой многоэтажке, изукрашенной ржавыми потеками. Квартира из далекой, поза-

бытой прошлой жизни.

Район настолько уебищный, что даже нетребовательная бедная Цыпа заметно съеживается на заднем сидении, испуганно озираясь.

Я усмехаюсь, тайком наблюдая за ней. Наверное, думает, что я завез ее в неведомые ебеня. Сейчас вот завернем за облезлые ржавый гаражи, и там-то я ее и расчленю.

— Не ссы, — говорю грубо. — Не съем.

Машину оставляю у последнего подъезда. Там же поднимаемся с Цыпой на самый последний этаж, упираемся в тупик.

Я киваю Цыпе на лестницу на чердак, и та останавливается, как вкопанная. В глазах ужас. «Ну, точно — расчленять будут», — наверняка думает она.

Тяжело вздыхаю.

— За нами же хвост, — поясняю я. — То ли от Марека, то ли от Азатыча. Тебе кто из них больше нравится?

Она испуганно мотает головой, хлопает глазищами.

— Никто!

Я удовлетворённо киваю:

— Тогда будем отрываться.

И лезу первым.

Цыпе деваться некуда.

Она следует за мной, перебирая по железным ступенькам лапками в раскисших мокрых пуантах.

На чердаке грязно, сыро, тепло и воняет голубями.

Цыпу приходится взять на руки и нести ее вдоль всего дома. Розовые шелковые пуанты и голубиное говно — две вещи несовместимые.

Пригибаюсь, чтоб не собрать башкой грязь с балок, злобно соплю, потому что тут душно, влажно и жарко.

А на руках нежный вес ее тела…

И крепкие сильные бедра под ладонями. На шее — ее сцепленные ручонки.

Сколько, сколько ей лет? Марек говорил — два года можно в полный рост… гхм… значит, двадцать. А на вид малолетка. Чистенькая, наивная, невинная.

Черт!

Даже не думай о ней в таком ключе!

Эта девочка не для меня.

«Вот выпутаемся из этой истории, — тяну я в мыслях деловито. — Ты отучишься на своего дохлого лебедя, уедешь на гастроли… По всему миру… Забудешь нас, нашу банду и этот день… Встретишь такого же чистенького, как ты сама, мальчика — вероятно, в белых колготках и в костюме принца. Он вывернет ноги на сто восемьдесят градусов от восторга и сделает тебе предложение. И все у вас будет ажурно, как в сказке. Гладенько, чистенько, культурно. А не как у меня — голубиное говно и злой Марек».

— Вы такой сильный, — восхищенно щебечет она, смущенно опуская глаза.

— Есть такое, — соглашаюсь я, лавируя между особо за-

сранным участками.

— А куда мы сейчас? — шепчет.

— В мою тайную берлогу, — отвечаю я, вглядываясь в полумрак, отыскивая взглядом люк. — Спрятаться.

Цыпа вдруг раскисает, начинает шмыгать носом.

— Чего? — подозрительно спрашиваю я.

— Ботинки…— шепчет она, вдруг захлебываясь слезами. — Там оставила… а они у меня одни…

И снова утыкается мне лицом в плечо, чтоб не разреветься в голос.

Да уж… Для этой крохотной наивной девчонки даже потеря ботинок равносильна концу света.

— Фигня, — отвечаю я. — Новые купим. Не хнычь. Еще что-нибудь там оставила?

Она часто-часто кивает, глотая слезы.

— Сумку, — шепчет. — А там все… кошелек, деньги, ключи… Студенческий.

— Мать, — говорю, — у тебя карманы сейчас от денег лопнут, а ты по старой сумке убиваешься? Не хнычь. Это все пустяки. Восстановят твой студенческий. Ключи тебе не нужны, ты ж не собиралась возвращаться к Мареку? Ну, а кошелек сама себе купишь. Самый понтовый.

Понятно, что ревет оттого, что испугалась. Выплакаться ей надо. Но не сейчас. Позже.

— Давай, думай о позитиве, — велю я.

В первом подъезде спускаемся с чердака, сначала она, по-

том я. В темноте спускаемся наощупь по лестнице — лампочка снова разбита.

Моя хата на седьмом.

Прислушиваюсь к тревожной тишине, но не слышу чужого дыхания. Быстро поворачиваю ключ в замке, и мы вваливаемся в мои хоромы.

В хате пыльно, темновато и грязно.

Цыпа топчется на пороге, рассматривая полутемную засранную прихожую.

Серый от пыли абажур на тусклой желтой лампочке.

Газеты, наклеенные вместо обоев. Желтые от старости двери на кухню, с текстурным стеклом, испачканным по периметру краской.

Жуть.

— Что, не нравится? — усмехаюсь я, глядя на ее перепуганное лицо.

Да, это хреновое начало новой жизни — с незнакомым мужиком в засранной халупе. Согласен.

Такие девочки мечтают о других домах. О чистых и уютных. О светлых.

О домашнем муже, о диване, о персидском ковре на полу, о хрустале в серванте, о фикусе и книжке на журнальном столике.

Тут все не так.

Эту хату я навещаю нечасто. И ничего тут не трогаю.

Наверное, сентиментально храню память о той, прошлой

жизни. Поэтому тут все… так.

Ай, ладно. Не думать.

— Ну-у, — неуверенно тянет Цыпа, стягивая с плеч пальто. — Не так уж ужасно. Здесь просто убраться надо. Есть веник и ведро?

— Куда! — я подхватываю ее пальто, почти снятое с плеч, и рывком возвращаю его обратно. — Мы тут на пять минут. Захватить кое-что надо. Снимай-ка лучше свои калоши.

Балеринка непонимающе хлопает глазами, но подчиняется.

Пуанты-то промокли насквозь. Как бы девчонка не заболела, проморозив ноги в талой воде.

Ножонки у нее крохотные.

Ступни натруженные, с выступающими венами. Пальцы перемотаны пластырями. Стерты до кровавых мозолей. Смотреть страшно.

И при таких вот ножонках она танцует. Невзирая на боль — танцует красивее всех.

Даже лучше Цапли.

— Пыльную работенку ты себе выбрала, — говорю я, наблюдая, как она осторожно натягивает на израненные ножки старые сапоги моей матери.

Они еще хорошие, ладные. Мама носила вещи аккуратно.

А эти, фирмовые, я ей подогнал почти перед самой ее смертью. Из серой замши, с кожаными носами. Аккуратные, крепкие, как ботинки для коньков.

Невиданная красота для нее.

Она их поначалу просто так надевала, дома. Застегивала и сидела, любовалась, крутя ногами туда-сюда.

— Работенка как работенка, — огрызается Цыпа, обуваясь и застегивая молнию. — А…чье это?

— Не ссы, не украл, — отмахиваюсь я. — Мамино. Ее больше нет.

— Простите, — шепчет.

— Да все нормально, — вздыхаю я. — Люди смертны. И внезапно смертны. Впору? Дарю, — великодушно говорю я.

— Спасибо, — шепчет Цыпа.

Пальто у нее сиротское, старое, серое. Нелепо длинное. Прямое, как шкаф. Из толстого гладкого вытертого драпа. С широкими рукавами на манжетах. С громоздким толстым воротником.

Подклад — линялый блеклый шелк, изодранный в клочья у подола.

— Крючками ботинок, — стыдливо говорит балеринка, замечая мой взгляд. — Ботинки у меня со шнуровкой, а крючки… ужасно цепляются.

Такое пальто в моде было лет пятнадцать назад.

Его, немного подумав, у нее тоже отнимаю.

Открываю шкаф в прихожей. Сдергиваю с вешалки мамино.

Парадное.

Тайком, в последний раз, вдыхаю знакомый запах ее ду-

хов, встряхиваю.

Мама напоследок успела походить красавицей.

Первые свои «бандитские» заработки я с восторгом тащил ей.

Тратил на нее, баюкая свою совесть. Оправдывался перед собой — ради нее. Она заслужила хоть немного пожить по-человечески.

Думал — еще успею свозить ее на курорт, куда-нибудь за границу. Под пальмы.

Не успел.

— Давай, вычищай карманы, — велел я девчонке. — Доставай кровно заработанные. Одежку свою — на свалку. Вот это примерь.

Девчонка молча повинуется, неумело складывая бумажки в пачку. В толстую такую пачку. Хороша подняла, да… А я вот здорово влип со своим широким жестом. Потратил не свои деньги.

Но об этом подумаю потом. Потом.

Пальто было светло-светло-голубое, приталенное, с роскошным песцовым воротником. Девчонке великовато. Все-таки, она тощая, как палка.

Но длина нормальная. И расцветка повеселее, чем это серое убожество.

Сам стаскиваю с себя привычную потертую кожанку. Кидаю ее, не глядя, в шкаф.

Надеваю теплую добротную дорогую дубленую куртку, за-

стёгиваюсь по самое горло. Цепляю на нос черные очки. Критически оглядываю себя в пыльное зеркало, решаю, что маскировка удалась. Солидный мужик с нарядной бабой — это вам не бык с расхристанной босой девкой.

Пойдет.

Издали так никто нас не узнает.

— Пошли, — командую я, кивая на дверь.

— Куда? — спрашивает девчонка, сжимая в ладонях раскисшие балетные туфли.

— В Зазеркалье, — огрызаюсь я. — В нору ты уже прыгнула. Так что обратного хода нет. Тапки в карманы спрячь, не привлекай внимания.

Я чуть со смеху не сдох, когда мы с девчонкой вывалились из моего подъезда на мартовский снег.

«Японка» моя стояла далеко, и возле нее уже крутились какие-то типы. Один задирал голову, стараясь вычислить, где окна моей хаты.

Удачи вам, дорогие товарищи!

Ухватив девчонку под локоток, не думая о сохранности матушкиных замшевых сапог, я нырнул в арку, и наши шаги заглохли в снеговой каше.

За аркой — тихий безлюдный соседний дворик, засыпанный последним мартовским снегом. Его мы пересекли бодрой рысью.

Окна домов сюда почти не выходят. А те, что выходят, слепые — с картонками за стеклами, закрашенными крас-

кой, или подъездные, серые и непроглядные.

Под мокрыми тополями — коробка неприметного металлического гаража, облезшего, выкрашенного когда-то то ли голубой, то ли зеленой краской. Раньше все такой краской красили.

Поэтому сиротский позорный гараж сливается с серой действительностью как нельзя лучше.

Внутри он, конечно, намного приличнее. Обшит водонепроницаемыми панелями. Бетонированная смотровая яма. Словом, добротно.

Спешно отпираю его, киваю девчонке:

— Вперед.

— Что?! — изумляется она. — Машина? Еще одна?!

Машина — черный солидный джип, с черными тонированными стеклами. Как раз такой, какие любит Марек. И какой мне, скромному «быку», не положен по статусу.

Но если очень хочется, то можно.

Если б Марек увидел его, он бы сказал, что я хитрый тихушник и ушлый пиздюк.

Потому что он-то полагает, что все бабки, что он мне отстегивает, я просаживаю в злачных местах на девок и выпивку. Понты стоят дорого; а братва иногда тоже хочет расслабиться.

Только мне их расслабоны даром не нужны.

От дешевого пойла не только башка трещит, но и кони можно двинуть.

Так что денежки я давно уже складывал, копеечка к копеечке.

И покупки делал редко, но хорошие, добротные. Но не привлекая внимания тайных доброжелателей.

Зачем светиться лишний раз?

Я не часто эту машинку вывожу. Очень нечасто. В большинстве случаев — вот как сегодня, в вечер. Чтоб свидетелей как можно меньше. Так, прокатиться, подумать о будущем.

Странно, что на такой броской машине я как раз незаметен…

В гараже пахнет бензином. Девчонка устраивается на переднем сидении, все так же изумленно хлопая глазами.

— Кака-а-ая, — тянет она, восхищенно рассматривая черную солидную тачку.

Она размером, наверное, с однокомнатную квартиру.

Я усмехаюсь. Цыпино изумление приятно щекочет мне самолюбие.

Да, я веду очень тайную жизнь, детка. И то ли еще будет. Ты у меня еще хапнешь чудес.

Глава 6. Зазеркалье

В поселок въезжаем затемно.

Цыпа таращится на проплывающие мимо пейзажи и потом кидает изумленный взгляд на меня.

— Вы куда меня завезли? Это же… элитный район.

И она вдруг резко бьется в дверцу. Рвет ручку, словно попавшая в капкан рысь.

Хорошо, что дверцы заблокированы. Не то на всем ходу эта ненормальная вывалилась бы в талый крупчатый серый снег. С большей долей вероятности — переломала б ноги свои. Красивые.

— Выпустите! Выпустите меня отсюда!

Истерика накрывает ее с головой, и я еле успеваю затормозить перед чужими воротами, напуганный до усрачки ее воплями.

— Дура, что ли?! — ору, оборачиваясь к ней. — Какая муха тебя укусила?!

Цыпа сидит, забившись в дальний от меня угол сидения. Глаза ее злы, сощурены презрительно. Губы сжаты в тонкую полоску. В руке ее зажата промокшая балетная туфля. Ей, значит, отмудохать меня собралась, да?

— К кому из них вы меня везете?! — звонче утренних петухов кричит она. Ее голос в тесном салоне авто звучит резко. Аж уши закладывает.

Ах, вот оно что…

Я усмехаюсь. Отворачиваюсь к рулю и ржу во все горло, утирая катящиеся градом слезы.

— Я живу тут, дурочка, — снисходительно поясняю этой террористке.

Узкие щелочки ее глаз мгновенно расширяются до состояния полной луны.

— Живете? Здесь? — переспрашивает она оторопело. Ну да, после убитой хаты в серой многоэтажке элитный поселок кажется чем-то небывалым… Контраст так велик, что Цыпа просто потрясенно молчит, разглядывая яркие кирпичные заборы, кованные черные ворота и выложенные тротуарной плиткой подъездные дорожки.

— Живу, — киваю, снова заводя мотор. — Вон тот домик, с яркой коричнево-красной крышей — мой. Нравится?

В ответ все то же потрясенное молчание.

Указанный дом большой, двухэтажный. Точнее, трехэтажный — внизу цокольный этаж, с бильярдом, сауной, небольшими бассейном. Зона отдыха. Но снаружи этого не видно, конечно.

Окружен добротным забором, сложенным из кирпича. Во дворе колосятся сосны-ели, для свежего воздуха и уюта. Уже приличные, большенькие. Сам выбирал в питомнике. Пушистые, крепкие, с густыми ветками.

Двор устлан ровной тротуарной плиткой — паршивый понт. Если ее накроет первым влажным снегом, можно от-

лично пиздануться.

Зато красиво и аккуратно.

В общем, дом большого человека, а не Молотка.

— А та квартира — это что?..

— От матери досталась, — отвечаю честно. — Мать умерла. Давно. Три года.

На самом деле, три года — это ничего, совсем ничего. Я до сих пор не могу привыкнуть к мысли, что ее нет. И три года пролетели как один день.

Но это так, лирика.

Машину оставляю во дворе.

Закрываю за собой ворота и кивком велю Цыпе выходить. Но она окопалась в тачке, как партизан в окопе. Не вылазит. Да чтоб тебя… Все еще не верит, что дом мой?

Маленький замок с понтовой башней. С окнами из канадского дуба. В башне всего лишь винтовая лестница, ведущая на второй этаж. Но смотрится красиво и солидно.

Я вытряхиваю из кармана ключи, демонстрирую их Цыпе и, взбежав на крыльцо, отпираю входную дверь.

— Давай, не кочевряжься. Нету тут никого, кроме нас с тобой, — говорю я. — Выходи.

Цыпа высовывается из машины, как улитка из раковины.

Машу на нее рукой и захожу в дом сам. Погода на улице дрянь, ветер сырой и промозглый. Хочет мерзнуть — пусть мерзнет одна. Набегается досыта — сама придет, решаю я.

Но дома меня ждет сюрприз, о котором я совсем позабыл.

Точнее, не сюрприз, а конкретная баба, форма одежды свободная. На голове лохматый беленый хвост, стянутый яркой розовой резинкой, и наушники.

Баба дергается под ритмичную музыку, долбящую ей в уши, лихо смолит зажатой в уголке губ сигаретой и двигает по блестящему полу вопящий пылесос.

Самое время пылюку-то убрать, ну. Не раньше, не позже.

— Ты сегодня рано, — увидев на пороге меня, удивленно тянет она, натягивая сползающую футболку на плечо. Мою футболку.

Под футболкой, разумеется, ничего. Из белья — нитка между поджарыми крепкими булками. Картина маслом.

Эту барабашку зовут Лайма.

Красивая прибалтийская девочка, ехала поступать — не поступила.

Ну и подалась в обслуживающий персонал, спасибо — не в бляди.

По средам и субботам она является ко мне, прибирать дом. По пятницам закупает продукты по списку. Я оплачиваю ей услуги, такси и мыло, которое она измыливала об мои полы.

Сначала Лайма дико морозилась. Говорила только по команде, смотрела с преданностью в глаза, ловила каждое слово. Но мне ее напряженность не нравилась. Не душевно както.

Я и напоил ее привезенным ею же пивом.

Сближение двух культур происходило сначала на столе на кухне, потом стыковка продолжилась в спальне. И завершилась в душе.

В общем, неплохо посидели.

С тех пор Лайма меня не боится.

Обязанности свои исполняет хорошо, денег не тырит, готовит сносно. И, намекая на желательную встречу на орбите, является иногда вне установленного графика и разгуливает по дому в полуголом виде.

Но сегодня это ни к чему.

Цыпе не стоит видеть, как живет в свободное от разбойного ремесла время ее спаситель. Это слишком… по-земному, что ли. Без прикрас, по-скотски бесстыдно и просто.

А она девочка приличная. Таких, как Лайма, Цыпа могла б увидеть только в фильмах для взрослых. Интересно, смотря балеринки такие фильмы?..

Я отчего-то жутко волновался, чувствовал себя как пацан, которого мать застукала с девчонкой в койке. А нам еще экзамены выпускные сдавать.

— Накинь на себя что-нибудь, — зверски командую я. — У меня гости.

Лайма щурится, зажимает в тонких пальцах с ярким маникюром сигарету.

— Телку притащил? — ревниво уточняет она.

Бабы такое сердцем чуют.

Когда не просто случайная связь и не просто очередная

телка.

Когда девушка.

— Не твоего ума дело. Трусы надень, кому сказано, шпротина.

Лайма злится. Сопит, раздувая ноздри. Понимает, что сегодня стыковки не будет; мой «Союз» поджидает другой «Аполлон». Не ее грузовую баржу.

Поэтому ей ничего не остается делать, как только развернуться и со психом рвануть в спальню, где она, собственно, и оставила свои трусы.

В последнее время Лайма появлялась у меня все чаще. Все чаще продукты покупала такие, какие хотелось ей, а не те, что были в списке. Все чаще пользовалась моим душем и заворачивалась в мои полотенца.

Чувствовала себя хозяйкой, по крайней мере — начинала.

Я в принципе был не против.

Жить одному уже остопиздело. А тут все ж живая душа. И, кажется, я уже начал смиряться с мыслью о том, что эта женщина останется тут навсегда. И, вероятно, с ней я встречу старость. Даже если она не затащит меня в ЗАГС.

Я пихаю ей вслед ногой ревущий пылесос.

— Гравицапу свою забери! — кричу ей вслед.

И тут открывается входная дверь и вплывает Цыпа.

Глава 7. Дома

Цыпа во дворе намерзлась. Потому что сырой мартовский ветер пробирает до костей, тут никакая шуба не спасет. А у нее тощие ноги в колготках прозрачных из сапог торчат.

В дом заходит как нашкодившая кошка, разве что уши не прижимает. А так все по-кошачьи. Чуть за угол не заглядывает, не притаился ли там кто. И в любой миг готова рвануть обратно.

Но дома пусто. Тихо. Темно.

Сразу видно, что никакой авторитет похотливый за углом не притаился. Цыпу не схватит и не выебет на пороге.

Только где-то наверху, в спальне, слышна остервенелая возня Лаймы. Психует, в джинсы узкие ножонки свои тощие втискивает. Пятками по полу грохочет нарочно.

— Это кто? — подозрительно спрашивает Цыпа.

— Домомучительница, — говорю. — Она уже уходит. А потом мы с тобой пошалим, Малыш.

В возможность пошалить Цыпа уже не верит. Наверное, потому что я не отшалил ее сразу же, в машине. Или на хате. Возможностей была гора. Но не было желания.

Цыпа Лайму не видит, ясен пень. Но по чуть слышной яростной воркотне и быстрым перебежкам в комнате наверху безошибочно определяет — та злится.

— Кажется, она обижена, — смотрит на меня укоризнен-

но и вопросительно. — Ей не понравилось, кажется, что я здесь.

«Пиздишь ты, друг Молоток, — перевожу ее интеллигентское сопение на понятный мне язык. — Это баба твоя, и она психует, что ты телку под бочину ей притащил. Отменил монополию и создал нездоровую острую конкуренцию».

— У домработниц не спрашивают разрешения людей в дом приводить, — язвлю я. — Даже если они опасно натопчут на паркете. Давай, раздевайся, чего в шубе стоишь?

— Тогда чего она? — шепчет Цыпа, косясь в сторону лестницы и нерешительно берясь за пуговицы.

— Поджопник получила за несвоевременную уборку. Я об ее гравицапу запнулся. Давай, давай, скидывай одежу. Тут тепло, не замерзнешь.

Пока Цыпа снимала обувь и пристраивала свое новое пальто в стенном шкафу, сверху по лестнице скатилась Лайма.

Джинсы на ней в самом деле узкие. Как вторая кожа обтягивают зад и угловатые коленки.

Кофтенка какая-то пестрая, полупрозрачная, шифоновая. Под кофтенкой ничего. Сиськи торчком под рюшечками.

И ярко-вишневые ногти на ногах.

На босых ногах — как любая хозяйка, Лайма по дому шлялась босиком. Не признавала ни носок, ни тапок.

Она мерит Цыпу оценивающим взглядом. Морщит в издевательской улыбке губы.

— Молоток, — тянет она изумленно и издевательски, чуть отступая от девчонки, — это что?! Что за чудо в перьях?

— Танцевать мне будет на ночь, — огрызаюсь я. — Другим колыбельные поют, а мне вот пляшут. Давай, вали. Такси на окраине поймаешь, их там шесть машин жмется, ожидают. В субботу как обычно. И без опозданий давай.

Можно еще ободряюще шлепнуть ее по жопе. Типа, с намеком на то, что все остается по-прежнему. Не дрейфь, подруга.

Но почему-то не хочется давать ей очередную бесплотную надежду. Да и перед Цыпой неудобно.

Лайма фыркает, как болонка драная, и пулей выскакивает в прихожую.

А я Цыпу беру под локоток и увлекаю ее подальше от разбушевавшейся фрекен Бок.

— Не проводите ее?..

— Ага. Может, еще посидеть с ней на дорожку?

Топаю на кухню. Мне надо срочно выпить, прям, горит!

Мозг переключается с проблемы спасения невинных телок на основную проблему — проеб большой суммы денег. Вот это дело надо срочно обмозговать. Срочно!

Кухня у меня огромная. На половину первого этажа. С красивыми деревянными белыми фасадами, с матовыми стеклами. С рабочим столом во всю стену и барной стойкой вместо обеденного.

Мебельщики умельцы уверяли меня, что любая хозяйка

будет в экстазе от этой красоты.

Не обманули.

Выгребаю из морозилки мешок с камнями. Нефрит, полированный до масляного блеска. Класс бриле. Ювелирный, качественный.

Бокал у меня такой же, как у Марека. Только баще. Тоже бриле — насыщенный яркий зеленый цвет, полупрозрачный. На свет — ровный, переливчатый.

Дорогой.

Марек привез эту фишку из Штатов. Бокалы, точеные из драгоценных камней, и кубики вместо льда. Говорят, это какая-то древняя скандинавская мода, кидать холодные камни в свое горячее хрючево. Типа, охлаждать.

Теперь добрались и до бухла.

Ну а чего? Камень в вискаре куда удобнее. Не тает, не разбавляет. Виски холодный, но не говенный, как телячье пойло. Самое оно.

Мода эта пока не особо распространена, но задумка интересная. Крутая. Пока что эксклюзив.

Понтовая, как вся наша картонная жизнь.

Мареку поездка под пальмы Лос-Анджелеса, мне — камешки в стаканчик.

Впрочем, я заказал себе камни в виде правильных и красивых кубов из нашего Байкальского прииска. По высшему сорту. Самые красивые, самые дорогие, самые родные.

Кидаю в бокал пару ледяных стылых камешков, наливаю

виски. Перемешиваю холод камня и золотистый напиток и машу, не глядя, одним глотком.

Алкоголь прокатывается по телу огненной рекой.

Холод вымораживает все кипящие чувства. Спокойно, тихо, спокойно…

Наливаю еще. Нужно, чтоб мозг перестал кипеть и занялся обмозговыванием, откуда взять денег. Хату мамы продать? А, ч-черт, видимо, придется. Быстро и дешево, чтоб бабки вернуть.

Конец сентиментальным воспоминаниям, наверное, давно нужно было это сделать.

Наверное, мама была бы рада, что в ее доме снова кто-то живет, а не гудит электричеством в проводах мертвенная тишина.

Деньги эти Марек мне накануне выдал, чтоб я внес последний взнос за машину.

Отслюнявил, оставив себе как раз на сегодняшний торг за Цыпу.

На подарок для очень большого человека. Правительственный «Зил», блестящий шикарный танк на колесах. Тачка нереальная. Круче только у президента. Подгон от братвы, так сказать.

И две части мы уже выложили, оплатили.

Тачку пока шаманят. Проверяют ходовую, натирают воском до состояния алмазного блеска. И на днях я должен был оплатить последний взнос и забрать ее. Так что времени,

чтоб выкрутиться, у меня кот наплакал. Думай, Молоток, думай!

Я плюхаюсь в любимое кожаное кресло, в его прохладную обволакивающую мякоть. Ничего, Молоток. И не такое бывало. Прорвемся.

Завтра с утра звякну знакомому риэлтору. Пусть хату оценивает, тащит покупателей… Я уже большой мальчик, переживу утрату.

— Это что?

Приоткрываю один глаз, уже почти закатившийся на ночь куда-то в район мозга.

Цыпа с восторгом смотрит на бокал, зажатый в моей руке.

— Красиво… Это замороженный «тархун»?

Фыркаю так, что виски чуть из носа не выплескивается.

— Это виски, — поясняю снисходительно. — А это — камни. Нефрит.

На цыплячьей рожице брезгливое разочарование. Фу, алкоголь, как бы говорит она.

— Зачем камни?

— Охлаждать. Вместо льда. Не разбавляя.

Цыпа строго морщится.

— Вы слишком много пьете, — тихо замечает она.

— Да что ты! — притворно вскрикиваю я.

— У Марека вы тоже пили, — продолжает Цыпа менторским тоном, строго поджимая губы. — За руль сели пьяным.

— Я не пьян, — возражаю и нарочно еще глотаю из неф-

ритового бокала. Большим глотком.

Кубики звякают друг о друга. Приятно тычутся в губы холодными углами.

— Папа говорит, что настоящий мужчина никогда не сделает такую глупость. Это безответственно.

Я удивленно таращусь на девчонку. Ты кто есть такая, сыкуха малолетняя, что мне проповеди читать?! Офонарела, пернатая?!

— Какой умный у тебя батя, — цежу с ухмылкой. — А он что-нибудь говорил о том, что настоящая женщина не будет путаться со взрослыми женатыми мужиками, которые деньги за танцы на столах предлагают?

Цыпа вспыхивает. Но не от стыда, а от злости. Во, характер полез.

— Я понятия не имела, — шипит сквозь зубы. — Откуда мне было знать, что Марек — это большая куча смердящего говна! Ну, давайте, упрекните меня в том, что я ему поверила!

Я снова ухмыляюсь. Не, ну по факту она права. Марек такой и есть.

— Поверила в сказку про Золушку? — уточняю я. — Милая, ты, вроде, взрослая для этого. Надо ж понимать, что принцы давно перевелись. И просто так в этом мире никакие солидные люди денег не платят. Ну, ты чего.

Цыпа вспыхивает еще ярче. Чисто светофор. И если раньше это был желтый, то теперь однозначно красный. Стой, не

то сшибет.

— Тебя вообще как Марек сосватал-то? Где взял? — соображаю я, крутя нефритовый бокал так и этак. — Балетные все в курсе должны быть, на какие такие заработки он девок возит. Ты чего, с ними не общалась? Кобыла, вроде, тоже студентка.

— Ее зовут Лена! — выкрикивает Цыпа отчаянно.

Ага, с Кобылой все-таки знакома, раз поняла, о ком речь идет… И знакома хорошо, вон как за поруганную кобылью честь вступилась. Как оплеухой мне приложила.

Ну, характер…

Зря я ее увез. Эта бы похныкала, а потом освоилась и сама б Марека выдрочила. Чем под руку попалось бы. Тем же страпоном.

— Мне похуй, как ее зовут, — грубо отвечаю я. — Она что, не рассказывала, чем для нее пляски кончаются?

Цыпа молчит.

По ее молчанию трудно понять степень ее осведомленности.

— Она сказала, — хрипло ответила Цыпа, — что мне сразу повезло. Что Марек в меня влюбился. По-настоящему. Сразу. И что со мной…

— …Такого не случится? — подхватываю я снова хмыкаю насмешливо. Интересно, подлая Кобыла нарочно Цыпу наебала? Или тоже дура наивная? Оттраханная неоднократно во все дыхательно-пихательные, но все еще верит в сказку

и ждет избавителя-принца?.. Или все ж хотела, чтоб Цыпу тоже по кругу пустили? Чтоб страдать, так не одной?

Черт знает. Кто их, баб, разберет. Смесь подленькой зависти и девчачьей веры в мечту и сказку в головешках. До конца будет повторять «а вдруг». Пока старость не накроет, и «вдруга» не случится.

— Мы сейчас не обо мне говорим, — снова рычит Цыпа. Неблагодарная. Я ее из такого замеса вытащил, а она меня воспитывает. — А о том, что не надо пить!

— Надо, — говорю я нарочно упрямо и довольно. — Работа у меня нервная. Иногда надо расслабляться.

— А если б попали в аварию?

— Не попали б.

— А если б остановило ГАИ?!

— Остановило? — таращусь на нее прямо, не тушуясь и не сводя взгляда.

Цыпа мнется, сбавляет обороты своих воспитательных речей.

— Вот и не кукарекай. Душ там, — указываю в сторону лестницы. — По левую руку. Гостевая спальня справа от душа. Спокойной ночи!

Глава 8. Утро

Я заснул там же, в кресле, удобно откинув голову на спинку и вытянув ноги

Бокал с недопитым виски остался стоять на подлокотнике. Отрубился я качественно, наглухо. И выспался поэтому хорошо.

Но с пробуждением в голову тотчас вползло гаденькое чувство вины. Как будто что-то не так, как будто в чем-то провинился. Как будто жизнь катится к ебеням.

Это мне вместо похмелья.

Частенько так бывает.

Еще глаз не успел разлепить, а мозг ловит сигналы извне.

Гремит посуда, льется вода. Деликатно звякают мытые тарелки, возвращаясь в шкаф.

Первая мысль была — Лайма как обычно не помыла посуду с вечера, сейчас исправляет косяк.

А потом я почуял ошеломительно вкусный запах еды и вспомнил, что с вечера Лайму выставил.

Так кто ж у меня на кухне хозяйничает?

Распахиваю глаза, сажусь торчком в заскрипевшем кресле.

Цыпа в утренних лучах солнца, в моей футболке, оставленной Лаймой, тряпочкой полирует белую блестящую столешню.

Ну, чисто переходящее знамя…

В мойке чистота, кафельный фартук над рабочей зоной отдраен. За что не люблю Лайму — у нее вечно все в потеках. Ну, красиво же все сделано, по уму. Только тряпочкой иногда шоркай. Так нет же — ей лень.

Как, впрочем, и готовить.

Кормит она меня в основном едой из красочных пластиковых упаковок. Что-то разогреть, что-то нарезать… Всколупнуть банку с заграничными ананасами…

А тут запах настоящей еды!

— Проснулись? Умывайтесь, и давайте завтракать, — буднично говорит Цыпа, дотирая последние разводы на столе. Как будто всю жизнь тут хозяйничала и жратву готовила.

И командовала…

Смотрю на нее внимательно. Это точно та раскисшая девка, которую я вчера из-под носа у братвы увел?

Цыпа сегодня спокойная. Собранная. Ладная, приглаженная, как на парад. Даже моя футболка смотрится на ней как накрахмаленная. Ничего небрежного в образе Цыпы нету. Все аккуратно и строго.

Даже светлые волосы вылизаны и сверчены на макушке в круглую фигу.

Железная дисциплина.

— А если не умоюсь, что тогда? — подкалываю ее. — Неумытым еды не дадут?

Цыпа снова морщит рыльце. Вытягивает шейку, поджи-

мает красные маленькие губки. Полощет тряпку под краном, а вид такой, будто макает меня головой и чуток притапливает, чтоб был сговорчивей и не питюкал.

— Дадут, — безразлично отвечает она после долгой и многозначительной паузы. — Но я думала, что всякому цивилизованному человеку приятнее садиться за стол чистым, опрятным и… не вонючим.

Я ржу как конь. Не знаю, почему.

Наверное, потому что даже представить, что Цыпа строго меня обнюхивала, смешно. Ну и ее попытки меня воспитать тоже смотрятся забавно.

А еще с сердца будто падает камень. Чувство вины испаряется, как будто его не бывало. И я, отсмеявшись, топаю в душ.

Там долго отмокаю, встав под чуть теплые струи воды. Расслабляю напряженные плечи, смываю запах алкоголя и скребущих на душе кошек окончательно.

Мою голову, смывая с волос запах вчерашнего дня.

Гладко бреюсь опасной бритвой, брызгаю на чувствительную, тонкую выскобленную кожу туалетной водой «Живанши», ладонями стираю горячее жгущее раздражение со щек.

На кухню прихожу совсем другим человеком. Чистым, аккуратно причесанным, в плюшевом синем халате.

— Вот теперь с добрым утром, — говорит деловая Цыпа удовлетворенно, довольная моим внешним видом, и ставит на обеденный стол-стойку умопомрачительно пахнущую та-

релку с домашним густым варевом. — Приятно иметь дело с опрятным человеком.

Но мне похуй ее одобрение. Я принюхиваюсь к разлитым по кухне ароматам.

— Это что? — строго спрашиваю я, заглядывая в тарелку, хотя и так понятно с первого взгляда. И с первого нюха.

В белой фарфоровой глубокой тарелке с тонкой золотой каемкой благоухает огненно-бардовая жижа, горячая, как лава, с тонущим островком белоснежной сметаны посередине.

Оранжевый слой жирка плавает поверх.

Листик лаврушки торчит из раскаленного варева как догорающий остов. Свежая резаная сочная зелень отдает все свои ароматы в общий котел.

Остро пахнет чесноком, перцем и приправой, знакомой с детства. Что за приправа — я не знаю. Только ею пахло дома всегда, когда мать варила суп. Может, морква жареная, я не разбираюсь.

Аромат от этого варева поднимается такой, что вышибает мне мозги и вызывает неконтролируемое слюноотделение.

Цыпа заметно волнуется, как школьница на уроке домоводства. Мнет полотенец, косится на предложенную мне еду.

Еще и сервировала для меня местечко, как в ресторане.

Салфетка, справа от тарелки серебряные ложка и нож. Слева — вилка.

Рядом, на плоской белой тарелке, парящий ароматным

дымком кусок чуть обжаренного мяса из супа. В маленькой соуснице рядом желтая горчичка.

Тонкие тычинки свернутых бумажных салфеток в подставке.

И белый хлеб тонкими ломтиками в хлебной чаше.

— Это борщ, — пищит Цыпа тонко. — Вы не любите борщ?..

— Люблю.

Чинно присаживаюсь, встряхиваю салфетку, кладу себе на колени. Как в ресторане!

Хотел до конца сохранить строгое и невозмутимое лицо, чтоб Цыпа помучилась в неведении, зашло ли ее варево, или я из вежливости его не выплевываю.

Но после первой же ложки я сдаюсь.

Улыбка сама растягивается до ушей, я мотаю головой и мычу радостно, сигнализируя, что суп очень даже ничего.

Цыпа отмерла.

Облегченно вздохнула и уселась за стол тоже, придвинув и себе тарелку с борщом. Только порция заметно меньше.

— А тебе можно разве такое? — тычу в сторону ее тарелки куском хлеба.

Цыпа поднимает глаза и смотрит на меня как на дебила.

— Какое — такое? — уточняет она.

— Ну, я думал, ты одну воду обезжиренную ешь, — подкалываю я ее. — Ты ж балет. Тебе толстеть нельзя. Диета, все дела.

Цыпа презрительно фыркает.

— У меня махом все сгорает, не потолстею, — бурчит. — К тому же, чтоб танцевать, нужно много сил. Попробуйте попрыгать голодным.

Ест она тоже чинно, аккуратно. Даже церемонно как-то. Будто и не ест, а выполняет какой-то торжественный ритуал.

Ох, етидрит!

Я чуть языком не подавился, какое Цыпино варево вкусное!

Сто лет не ел домашний борщ.

Лайма такое не готовит. Не умеет и не понимает ничего в хорошем русском борще, шпротина канцерогенная.

После нескольких ложек включается мозг, и я с удивлением понимаю, что у меня в холодильнике, оказывается, были ингредиенты для борща?! Да откуда?!

Или Цыпа тачку взяла и на рынок поутру смоталась? Да ну нафиг. Она и водить наверняка не умеет.

— Где капусту взяла? — спросил я, с удовольствием хрупая вышеупомянутым вареным овощем.

— В холодильнике же, — удивленно ответила Цыпа и кивнула на помойное ведро.

Там покоилась пластиковая банка из-под квашенной капусты.

Той самой, что Лайма брала нам с ней на закусь под водофку. Н-да, как по-разному можно использовать один и тот же продукт…

— Молодец ты, Цыпа, — хвалю я ее, отодвигая пустую тарелку из-под борща и принимаясь за мясо. — Хозяйственная. Аккуратная. И готовишь отлично! Вот кому-то повезет с женой.

— Я не Цыпа, — огрызается она.

— Цыпа, Цыпа, — снисходительно отвечаю я, орудуя ножом. — Правильно ты живешь, Цыпа. Правильно все понимаешь. Мужика надо домашним кормить. Тоже батя научил? Молодец он у тебя. Слушайся его.

— Перестаньте паясничать! — стервозно шипит она, с яростью бросив салфетку об стол. Интеллигентские штучки. Я ухмыляюсь и продолжаю орудовать ножом, как ни в чем не бывало. — Как не стыдно! Взрослый образованный интеллигентный человек, а ведете себя как безграмотный невоспитанный дурачок!.. Зачем?

Я даже жевать перестаю и поднимаю на нее изумленный взгляд. Потом оборачиваюсь назад — где интеллигентный человек?! Где он притаился?

Цыпа снова морщится.

— Вот об этом я и говорю, — шепчет она чуть не со слезой.

— Ты с чего решила-то, что я образованный и воспитанный, — бурчу я, возвращаясь к недоеденному мясу. — Ты давай, сказки перелистывай. Я тебе не Чудовище. А ты не Красавица. Чуда не будет, расколдовать меня не получится. Я Молоток, чуешь? Такие прозвища интеллигентным не да-

ют.

— Я что, глухая? — нервно вспыхивает Цыпа. — У вас речь грамотная. Без слов-паразитов. Даже когда вы слова нарочно коверкаете. Вы цитатами из хороших книг и фильмов сыплете. По этикету обедать умеете. Вы образованный!

В ее устах это звучит как обвинение. Так и тычет пальцем — на костер его, ату его, он читать умеет!..

Я смотрю на нее колючим, почти злым взглядом.

Пилю яростно мясо.

— В гостиную ходила? — свирепо рычу я.

— Да, — с вызовом отвечает Цыпа, вздернув голову. — А что, нельзя?

— Вдруг там невесты дохлые порубленные валяются, — язвительно говорю я.

— Что-то я синей бороды у вас не вижу, — в тон мне отвечает она. — Там шкафы с книгами.

— Так для понта, — отвечаю беспечно. — Красиво же. Солидно. На барахолке купил. Сейчас модно книги коллекционировать. Ты не знала?

— Они прочитанные, — уничтожающе шепчет Цыпа. — С закладками. Старые.

— Коллекционные, — хвастливо говорю я. — Советский раритет!

Книги я перевез из маминой хаты. Единственный способ делиться с ней мыслями, что ли, перелистывая прочитанные и обсужденные на сто раз страницы…

— «Мише в день рождения», — жестоко выдает Цыпа свой главный козырь, безжалостно глядя мне в глаза. — Это вам дарили, Миша. И вы это читали. Мама дарила?

Беспечность мою словно ветром сдувает. Чувствую, как говно закипает, аж есть тошно.

— Как ты меня назвала?..

— Миша. Вас Мишей зовут. Еще в квартире это поняла. Там у зеркала в прихожей записка к обоям приколота у зеркала. «Миша, купи мне лекарств». Значит, и книги не на барахолке куплены. Ваши они.

Аппетит окончательно испарился.

Сижу, как дикий щетинистый свин в яме, злой и опасный.

Это не Цыпа, это чисто мент в балетной пачке. Следователь. И следователь въедливый.

Она точно балерина?

Или младший лейтенант под прикрытием, которого внедрили в нашу веселую компанию на предмет пособирать компромата? А к ляжке у нее пистолет примотан?

— Цыпа, ты берега не теряй, — жестко говорю я. — Под кожу не лезь, да? Тебя туда никто не звал.

Цыпа с самым довольным выражением ебальца складывает ручки под подбородком.

— Так к чему этот цирк? — спрашивает она тихо. — Вы ведь умный.

— Не твоего ума дело, — рычу я, промокая губы салфеткой. — Все, я потопал. Спасибо за борщ.

— А я? А меня увезти? — вскакивает Цыпа.

— Куда?

— На репетицию! Мне нельзя пропускать!..

— Сегодня можно, — рыкаю я мстительно. — Дура, что ли. Там тебя в первую очередь будут искать. Пару дней тут посидишь. Не развалишься. Вон у окна встань, ногой помахай, если так нужно.

— А если она придет?

— Кто?

— Домработница ваша!

— Не открывай ей. Или вот что — скажи, что она уволена.

— За что?! Из-за меня? Я не хочу быть виноватой в ее глазах!

— За то, что посуду не моет и борщ не варит, — отрезал я. — Все, хватит хныкать. Мне пора.

Глава 9. Азатыч

Домой, на хату мамы, возвращаюсь тем же макаром, каким и пришел. «Японку» надо забрать, ну и разведать что как.

Колупая ключами в замке, я слышал, как разрывается за дверью телефон.

Ищут меня.

Интересно, кому с утра так приперло пообщаться?

В хату вхожу как на минное поле. Но там никого. А телефон трещит, не затыкаясь.

Осторожно беру трубку, словно она может взорваться у меня в руке.

— Весь во внимании.

— Молоток, ты чего не отвечаешь долго? — в трубке быстрый говорок татарина. Азатыча. Во как. Его-то я ожидал услышать меньше всего.

— Доброго утра, Марат Азатыч, — говорю вежливый я. — Какими судьбами?

Интересно, где он номер мой раздобыл? А главное, зачем?

Татар

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.